

НЕДЗВЯДОВСКАЯ Н. Е. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

НЕДЗВЯДОВСКАЯ Нина Евстафьевна. Проживала в Киеве, работала учительницей физкультуры в школе. Активно помогала заключенным. Весной 1928 — арестована, 24 мая приговорена к 3 годам ссылки и отправлена в Кзыл-Орду. 9 июля 1930 — освобождена досрочно, в 1932 — вернулась в Киев, работала учительницей физкультуры в двух школах. В марте 1935 — отобран паспорт, лишена права проживания в Киеве. В ноябре 1935 — выехала в Белую Церковь, работы не нашла, ездила в Киев на работу.

В апреле 1936 — обратилась за помощью к Е. П. Пешковой.

<7 апреля 1936>

«Екатерине Павловне,
тов<арищу> Пешковой.

Недзвядовской Нины Евстафьевны,
учительницы, г<ород> Киев,
Михайловский пр<оезд> д. № 20, кв. 17

Заявление

Особым Совещанием при Коллегии ОГПУ УССР 24/V-1928 года я была осуждена на три года и выслана в Казахстан в гор<од> Кзыл-Орду. 9/VII-1930 г<ода> я была досрочно освобождена с ограничением по формуле минус шесть, и прислано восстановление в правах голоса 21/VIII-1930 г<ода>, хотя, как потом выяснилось, мещанкой никогда я не была. Основанием к подобному обвинению было выставлено то, что будто бы я участвовала в каких-то антиправительственных организациях. Поводом к подобному обвинению послужила неправильная своекорыстная информация со стороны начальника Допра № 1 тов<арища> Семенюка, с которым у меня возникали недоразумения на почве неправильного распределения передач, собираемых мною для заключенных. Семенюк, вопреки жертвователей и меня, выдал в 1927 году собранную мною передачу рабочим, получавшим в Допре двойной паек, — отняв таковой от заключенных в подследственном корпусе, не получавшим никакой передачи. Меня знала вся администрация ГПУ, куда я также с первых дней революции носила передачу для заключенных; моя деятельность не только не пресекалась, но всеми мерами поощрялась: в годы голодовки, — сама администрация Допра неоднократно обращалась ко мне — помочь в деле пропитания заключенных.

Чтобы сделать свою деятельность более реальной в деле сбора продуктов для заключенных, я не стеснялась стать на паперти храма рядом с нищими, собирая копейки для покупки хлеба заключенным, я разыскивала людей добрых, которым надоедала своими просьбами о помощи заключенным. И мне удавалось часто возами доставлять продукты заключенным. Естественно, что первой заботой моей было и то, чтобы эти передачи попадали именно тем, которые никаких передач ни от кого не получали; я считала, что всякий нуждающийся в помощи заключенный, все равно, какое он совершил преступление, имеет право на помощь, т<о> е<сть> я не отличала политических от уголовных, я несла помощь каждому. Вновь назначенный в 1927 году начальник Допра № 1 тов<арищ> Семенюк держался другого взгляда, я требовала расписки от получателей, дабы иметь оправдание перед жертвователями, тов<арищ> Семенюк хотел моими пожертвованиями распоряжаться по своему усмотрению. Служащие Допра меня иногда просили передавать некоторым лицам, по их наблюдению, очень нуждающимся, и далее

называли их фамилии, имена и номера камер, моя цель была помогать нуждающимся, и для меня это был предлог приложить более энергии и труда, чтобы их просьбу удовлетворить. В результате пришили мне дело, обвиняя меня в том, что я брала пожертвования от неизвестных лиц, что в 1928 году вообще заключенные не нуждались, что этим я как бы старалась подорвать доверие к Власти. Мои оправдания не принимались, надо мной смеялись, когда я говорила, что я помогала заключенным, еще будучи ребенком с 1906 г<ода>, проживая рядом с Допром № 1 в Дегтяревской богодельне, где работала моя мать. Я видела заключенных, я обучала их детей бесплатно, меня допускали в стены Допра, и не удивительно, что я воспитала в себе взгляд на заключенного, как на несчастного. Я не совершила перед Соввластью преступления, но меня осудили. Правда, следователь ГПУ, тов<арищ> Терентьев высказался, "что сама на себя наговорила, а совсем не виновата". "Погубило ее доброе сердце". Из вещей у меня при обыске ничего не нашли, хотя тов<арищ> Терентьев и взял мой портфель с 2 учебниками по физкультуре: "Подвиж<ные> игры" Скотака и др<угой> учебник, но на мои просьбы возвратить портфель так удовлетворения и не последовало. Меня арестовали и посадили в тот же Допр, а потом больную выслали. Правда, мне оказали особое снисхождение, предоставили право добровольно ехать в ссылку, выдав путевку и 4 руб<ля> на хлеб. В ссылке я заболела, будучи слабого здоровья, я не вынесла климата Казахстана. Малярия отняла все мои силы: я была освобождена досрочно, но вынуждена была еще пробыть около года в Казахстане, подлечиться и заработать на проезд и пропитание. В Казахстане со дня приезда я служила учительницей физкультуры, изучила киргизский и татарский язык и на этом наречии давала команды и объяснялась с ребятами, которые меня называли "Алла-бас!", "Вперед марш!" Я много имела школ и по целым дням бегала.

Наконец, в 1932 году я возвратилась в свой родной город Киев, где я проживала свободно по 1935 г<од> и работала в двух школах.

В 1933 году мне был выдан 3-х годичный паспорт, а в 1935 году у меня его отобрали, лишив права проживания в гор<оде> Киеве и предписав выехать, несмотря на то, что с 1931 года я непрерывно работаю в качестве преподавательницы физкультуры, а вообще в Киеве живу с 1901 г<ода> и на этом поприще имею определенные заслуги, как общественница.

Как мне долго пришлось в 1901 году упрашивать отца выдать матери бессрочный паспорт на право проживания в гор<оде> Киеве, чтобы дать мне образование, а вот сейчас через 35 л<ет> я прошу Вас, дорогая Екатерина Павловна, дать мне возможность дослужить 2 года до пенсии. Я сейчас живу в пос<елке> Ирпень. Это в 40 верстах от Киева, а в Киеве служу и страшно дорожу своей работой — работаю часто и сверх положен<ного> времени, но зато дети удовлетворены, и я их умею заинтересовать, а потому и дорожу этой работой, и так было хорошо работать, если бы я была совсем свободна от этой судимости и не страдала бы манией преследования милиции. Я отдохнула бы, как и все люди, летом, подлечилась бы в каком-нибудь санатории и много еще принесла бы пользы государству, но у меня нет защитника. Вы одна меня вырвали из Казахстана, помогите и теперь — я девушка, у меня на иждивении 76 летняя старуха-мать. Я больна психостенией и истерией, я вынесла в 1932 году тяжелую операцию. Я страдаю тяжелой болезнью сердца и нахожусь под постоянным наблюдением врачей специалистов — это результат моих несчастий и переживаний. Между тем, за свое невольное пришитое мне преступление, несмотря на то, что уже со дня отбытия административной репрессии прошло почти 6 лет, и я зарекомендовала себя, как общественница, я лишена права жить в Киеве

возле больной 76-ней старухи-матери, которой моя помощь очень нужна, так как пенсии в 28 р<ублей>, не имея ничего, не хватает на жизнь.

В ноябре 1935 года мне велено было ехать в Белую Церковь, как ближайшее место к Киеву, — несмотря на то, что в 55 километрах от Киева ст<анция> Бороденка и, как потом выяснилось, что можно было жить и там, причем, инспектор районный тов<арищ> Белоус заявил мне, что я в Белой Церкви работы не получу, так как я глухая. А я ему ответила, что моя специальность не помешала мне работать, но предупредила, что буду бороться за Киев — за право там жить и ездить буду в Киев на работу. Так и сделала. В Белой Церкви я работы среди года не могла получить, а без работы я и дня не могу прожить, так как это мое существование. И вот я ездила в Белую Церковь, пока не проехала 70 руб<лей>, ночевала у мамы иногда, пока дворник не сообщил в милицию, а тогда инспектор милиции вместе с председ<ателем> Жилкопа, тов<арищем> Рябуха посетили меня в 4 ч<аса> утра и велели хлопотать о прописке, а то в противном случае обещали вторично отобрать паспорт. Обратилась за помощью в гор<од> Москву к тов<арищу> Ульяновой с просьбой разрешить мне проживание в пригородке пос<елка> Ирпень — последняя направила мое дело в Главное Управление милиции г<орода> Москвы и велела обратиться туда — я запросила, мне ответили: Г<лавное> У<правление> РКМ НКВД СССР сообщает, что Ваша жалоба рассмотрена, в проживании в г<ороде> Киеве Вам отказано. Значит, в Ирпене жить можно, там меня и прописали. Мне материально тяжело, но я вижу часто маму, я работаю, я учусь, я лечусь, и за то спасибо.

Я подавала просьбу в ВУЦИК г<орода> Киева. 4 месяца мое дело тянулось и, наконец, 10/XI-35 г<ода> мне отказали. Правда тов<арищ> Баранов указал мне жаловаться в Москву в ЦИК и вообще советовал бороться. Когда же после этого 17/XI-1935 г<ода> пришла вторая повестка из ВУЦИК с моим заявлением на имя тов<арища> Сталина, послан<ным> в июне в Москву и с предложением мне сообщить мое дело — статья, за кот<орой> я числюсь, и как я себя вела в течение этого времени, и собрав все сведения только через три месяца и справку со службы, в кот<орой> за меня администрация просит, чтобы мне разрешили жить в Киеве, и со всеми этими документами я явилась в ВУЦИК 8-ого марта 1936 г<ода> с просьбой пропустить меня на прием, то дежурный милиции меня выгнал на улицу и сказал: "Вам уже отказано". Я возразила, что отказывать и наказывать можно без конца, но выслушать меня тоже можно. Неужели я за 2 года не могу личного свидания получить с тов<арищем> Петровским и выяснить, за что мне отказано, что я должна сделать, чтобы с меня сняли судимость?

Екатерина Павловна, я плохо слышу, я нервнобольная, но я же человек, за что же такое издевательство да еще 8 марта в ВУЦИКе в присутствии массы народа — человек 30 было на приеме. Дорогая, милая, помогите освободиться от этого позора — снимите судимость и дайте мне возможность лечиться. У меня парализована вся левая сторона груди и спины, я ее не чувствую и все это на нервной почве.

Я послала 2 пакета просьб в Москву на имя тов<арища> Калинина М. И. в ЦИК:

Первое 14/I-36 г<ода>. Вам квитанцию направляю.

Второе 12/III-36 г<ода>. Все документы там.

Я обращалась к тов<арищу> Ягоде с просьбой выяснить мое освобождение с 9/VII-1930 года, т<ак> к<ак> иначе мне неоткуда получить справку. Но ответа в течение года не получила. Все, что у меня наболело, Вам написала, а Вы уже помогите, как мне быть, чтобы в Киеве можно было вместе с мамочкой жить и не дрожать, что меня милиция может в

любой момент схватить и выслать на три года опять из Киева, как это мне угрожают. Я постепенно схожу с ума. Спасите меня.

24/ III-36 г<ода>. Ваша Нина Недзвядовская.

Посылаю Вам 5 справок и одну свою автобиографию.

P. S. О снятии судимости послала бумаги в ВУЦИК, заявление на имя тов<арища> Сталина и другие документы. Ценным пакетом.

Н. Недзвядовская»¹.

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1473. С. 45-50. Автограф.